ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКО-УЗБЕКСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Аблаева Надира Кадамжановна
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Университет Маъмуна
nadiraablaeva@gmail.com
Мансурова Рушонгуль Масимовна
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Университет Маъмуна

Аннотация. В статье исследуются лингвокультурологические особенности интерпретации метафорических единиц в русско-узбекском художественном переводе. Метафора рассматривается как единица вторичной номинации, репрезентирующая не только образное содержание, но и культурно обусловленные способы концептуализации действительности. Материалом исследования послужили произведения Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова и их узбекские переводы. На основе сопоставительного, семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа выявлены основные способы передачи метафорических образов: сохранение исходной метафоры, образная замена, конкретизация, экспликация и функциональная компенсация. Установлено, что переводческая трансформация обусловлена степенью культурной маркированности единицы, её контекстуальной функцией и особенностями национальной языковой картины мира. Делается вывод о том, что адекватная передача метафоры требует сохранения не только её денотативного содержания, но и образного, эмоционально-оценочного, стилистического и культурного компонентов.

Ключевые слова: метафора, лингвокультурология, художественный перевод, русско-узбекский перевод, языковая картина мира, культурная семантика, переводческая трансформация, эквивалентность.

Введение.

Метафора занимает особое место в системе средств художественной выразительности. Её функционирование связано не только с созданием образности, но и с процессами концептуализации действительности. Посредством метафоры абстрактные понятия могут осмысливаться через конкретный чувственный опыт, а индивидуальные авторские представления получают языковое выражение.

В когнитивной лингвистике метафора понимается как механизм концептуализации, основанный на переносе структуры одной области опыта на другую. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают, что метафорические структуры являются частью повседневной концептуальной системы человека [Лакофф, Джонсон, с. 25–27]. Следовательно, метафорическое выражение представляет собой не просто стилистический приём, а средство репрезентации определённого способа осмысления мира.

Лингвокультурологический подход расширяет данное понимание, поскольку позволяет выявить связь метафорического образа с культурным опытом языкового сообщества. В.Н. Телия рассматривает язык как пространство взаимодействия языковых значений и культурных смыслов; особенно ярко это проявляется в образных и фразеологических единицах [Телия, с. 214–227].

В художественном переводе проблема метафоры приобретает особую сложность. Переводчик должен учитывать не только содержание исходной единицы, но и её образную структуру, эмоционально-оценочную направленность, стилистическую функцию и культурную коннотацию. Как отмечает В.Н. Комиссаров, переводческая эквивалентность предполагает сохранение коммуникативной функции исходного текста при возможном различии языковых средств [Комиссаров, с. 51–68].

Особый интерес представляет русско-узбекское направление художественного перевода, в котором взаимодействуют две различные языковые и культурные системы. История переводов русской классики на узбекский язык демонстрирует многочисленные случаи сохранения, преобразования и переосмысления образных единиц.

Цель исследования заключается в выявлении лингвокультурологических закономерностей передачи русских метафорических единиц на узбекский язык.

Методы исследования.

Материал исследования анализировался с применением комплекса методов.

Сопоставительный метод использовался для установления соответствий между единицами русского оригинала и их узбекскими переводными вариантами.

Семантический метод позволил определить структуру метафорического значения и выявить компоненты, сохраняемые или трансформируемые в процессе перевода.

Контекстуальный метод применялся для определения конкретной функции метафорической единицы в художественном произведении.

Лингвокультурологический метод был направлен на выявление культурно обусловленных смыслов и ассоциаций, лежащих в основе метафорического образа.

Метод переводческих трансформаций позволил определить характер изменений, происходящих при переходе от оригинала к тексту перевода.

В качестве практического материала использованы узбекские переводы произведений Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова. Особое значение для анализа имеет сравнительное исследование переводов повести Н.В. Гоголя «Шинель», выполненных Сиддикий Ажзием, Чулпоном и Х. Ахроровой. Д. Норалиев отмечает, что «Шинель» неоднократно переводилась на узбекский язык, а переводческие решения разных авторов позволяют проследить изменения в способах передачи гоголевской образности [Норалиев, с. 67–68].

Результаты исследования

Метафорическая единица как лингвокультурный знак

Метафорическая единица в художественном тексте характеризуется сложной семантической структурой. Помимо основного содержания, она включает образный, эмоционально-оценочный, стилистический и культурный компоненты.

Для переводчика принципиально важно определить, является ли образ универсальным или культурно специфичным. Универсальные метафоры, основанные на телесном опыте, пространственных отношениях, движении, природных явлениях, обычно легче поддаются межъязыковой трансляции. Напротив, метафоры, связанные с историческими реалиями, социальной организацией, национальным бытом и традициями, требуют более сложных переводческих решений.

В данном отношении показательным является материал русской классической прозы, в которой метафорические единицы тесно связаны с социально-культурной средой XIX века.

Метафорическая характеристика персонажа в переводе «Шинели» Н.В. Гоголя

В повести Н.В. Гоголя «Шинель» художественная характеристика Акакия Акакиевича строится посредством последовательного накопления портретных деталей и авторской иронии. В оригинале используются формы с уменьшительно-ограничительным значением: низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько подслеповат. Они создают образ человека малозаметного, социально незначительного и одновременно вызывают ироническое отношение автора.

Сравнение узбекских переводов показывает различие переводческих стратегий. Сиддикий Ажзий передаёт соответствующий фрагмент более описательно, тогда как Чулпон стремится сохранить структурную и стилистическую организацию оригинала. В его варианте используются формы «паст бўйлик, бир оз букирнамо, бир оз малланамо, хатто бир оз кўрнамо», что позволяет воспроизвести градуальность и неполную выраженность признака [Норалиев, с. 67–68].

Особенно показательным является использование суффикса -намо, который в узбекском языке передаёт значение неполной, приблизительной характеристики.

Таким образом, переводчик не прибегает к буквальному копированию русского морфологического средства, а находит функционально близкий ресурс узбекского языка.

В данном случае наблюдается структурно-функциональная эквивалентность: языковая форма изменяется, но сохраняется авторская установка на неопределённость и неполную выраженность признака.

Ещё более значимым является перевод характеристики лица героя: русское «с цветом лица, что называется геморроидальным» у Чулпона передано как «бавосил иллатига мубтало экани» [Норалиев, с. 68].

Здесь сохраняется не только предметная информация, но и сатирико-ироническая функция авторского описания. Ажзий, напротив, использует более общее обозначение болезненного вида, в результате чего конкретная культурно-бытовая деталь оригинала ослабляется [Норалиев, с. 68].

Данный пример показывает, что конкретизация метафорического или образного признака может быть важна для сохранения авторской иронии. Утрата конкретной детали приводит не только к семантическому сокращению, но и к изменению прагматического эффекта.

Природная метафорика в «Муму» И.С. Тургенева

Особенно интересный материал представляет повесть И.С. Тургенева «Муму». В характеристике Герасима писатель использует развёрнутую природную метафору:

«...он ... худо ли, хорошо ли, но всё-таки привык к своему новому положению, и он рос ... как дерево на плодородной земле...»

В узбекском переводе Юлдоша Шамшарова данная образная конструкция передана как «худди серунум ерда ўсган дарахтдек, тилсиз ва бақувват бўлиб улғайди» [Махмудов, Файзулла, с. 103].

В данном случае наблюдается сохранение исходного метафорического образа. Образ дерева, растущего на плодородной земле, сохраняется практически без изменения. Это свидетельствует о наличии достаточно высокой степени образной эквивалентности между русским и узбекским языками.

Однако лингвокультурологическая интерпретация показывает, что метафора выполняет здесь более сложную функцию. Герасим сопоставляется с деревом не только по признаку физической силы. Образ природы подчёркивает его связь с деревенской средой, физическим трудом и естественным существованием. Перемещение героя в город сопровождается нарушением этого природного состояния.

Таким образом, метафора «человек — дерево» выполняет одновременно характеризующую и концептуальную функции. Она противопоставляет естественную сельскую жизнь искусственной городской среде.

В узбекском переводе сохранение данного образа позволяет воспроизвести соответствующую концептуальную оппозицию. Это пример ситуации, когда буквальная близость оказывается оправданной именно потому, что метафорическая модель обладает высокой степенью межкультурной транспарентности.

ругой показательный пример связан с характеристикой Татьяны. В оригинале Тургенев отмечает, что её красота быстро исчезла. В переводе Шамшарова используется выражение «чиройи тез сўлиб қолди» [Махмудов, Файзулла, с. 103].

Глагол «сўлмоқ» буквально связан с увяданием растения, однако в отношении человеческой красоты приобретает переносное значение. Таким образом, в узбекском переводе создаётся естественная для узбекского языка метафорическая модель «красота — цветок/растение».

Данный пример представляет собой не просто лексическое соответствие, а культурно-семантическую адаптацию образа. Переводчик использует собственные ресурсы узбекской образной системы для передачи эстетической характеристики персонажа.

В этом случае переводческая трансформация не разрушает исходный образ, а, напротив, обеспечивает его естественную функционируемость в языке перевода.

Метафорическая концептуализация в переводе Чехова

Особое место занимает рассказ А.П. Чехова «Хамелеон». Само название произведения является метафорически значимым: зоологическое обозначение

превращается в характеристику человека, который меняет своё поведение в зависимости от обстоятельств.

В узбекской переводческой традиции существуют разные варианты передачи названия. Абдулла Кадыри переводил его как «Буқаламун», тогда как Абдулла Каххар сохранил название «Хамелеон». Исследователи отмечают, что в переводе Кадыри к названию давалось специальное пояснение, раскрывавшее значение слова для читателя [Шофиев, с. 126].

С точки зрения лингвокультурологии данный пример особенно важен. В русском языке слово хамелеон обладает не только прямым зоологическим значением, но и закреплённым переносным значением — человек, легко меняющий свои взгляды и поведение в зависимости от обстоятельств.

В узбекском варианте «буқаламун» сохраняется зоологический образ, однако для читателя может требоваться дополнительная семантическая актуализация. Именно поэтому перевод Кадыри сопровождался пояснением, раскрывающим способность животного менять окраску в зависимости от окружающей среды [Шофиев, с. 126].

Таким образом, переводческая стратегия здесь представляет собой экспликацию культурно-семантического потенциала метафоры.

Особенно важно, что метафора реализуется не только в названии, но и в структуре поведения персонажа Очумелова. В ходе рассказа его оценка ситуации неоднократно изменяется в зависимости от предполагаемого социального статуса владельца собаки. Исследователь отмечает, что именно диалогическая структура рассказа раскрывает «хамелеонство» персонажа [Шофиев, с. 126–127].

В этом случае метафора становится сквозным концептуальным образом, организующим весь текст. Следовательно, переводчик должен сохранить не только отдельное слово хамелеон, но и его текстовую функцию.

Аналогичная проблема наблюдается при передаче реплик Очумелова. В исследованном узбекском тексте его позиция меняется в зависимости от того, кому принадлежит собака. При предположении, что собака принадлежит генералу,

отношение полицейского резко смягчается; после отрицания этого факта оно вновь становится обвинительным [Шофиев, с. 126–127].

Следовательно, здесь метафорическая семантика реализуется дискурсивно, а не только лексически. Переводческая адекватность определяется способностью сохранить систему контрастов и повторяющихся изменений речевого поведения.

Основные типы переводческих трансформаций

На основании рассмотренного материала можно выделить несколько основных моделей русско-узбекской передачи метафорических единиц.

Сохранение метафорического образа. Наблюдается в тех случаях, когда образ обладает сходной концептуальной мотивацией в обоих языках. Примером является тургеневское сравнение Герасима с деревом в переводе Ю. Шамшарова [Махмудов, Файзулла, с. 103].

Образная адаптация. Исходный образ сохраняется на концептуальном уровне, но реализуется посредством более естественной для языка перевода единицы. Так, выражение «чиройи тез сўлиб қолди» актуализирует в узбекском языке природную метафорику увядания [Махмудов, Файзулла, с. 103].

Конкретизация. Переводчик сохраняет существенную часть исходной семантики, уточняя или преобразуя её для более точного восприятия читателем. В переводах «Шинели» подобная стратегия проявляется при передаче портретных характеристик Акакия Акакиевича [Норалиев, с. 67–68].

Экспликация. К ней обращаются тогда, когда культурное или концептуальное содержание исходного образа может оказаться недостаточно очевидным для читателя. Показательным является перевод названия «Хамелеон» как «Буқаламун» с дополнительным пояснением его значения [Шофиев, с. 126].

Функциональная компенсация. Используется в тех случаях, когда невозможно сохранить конкретную языковую форму, однако необходимо воспроизвести её художественную функцию. Особенно актуальна эта стратегия для Чехова, где отдельная деталь часто обладает значительной текстообразующей нагрузкой.

Обсуждение

Результаты анализа позволяют утверждать, что перевод метафорических единиц представляет собой процесс межъязыковой и межкультурной интерпретации. В большинстве случаев невозможно обеспечить полное совпадение формы, содержания и культурных ассоциаций.

Поэтому критерий переводческой адекватности целесообразно определять через совокупность нескольких параметров:

сохранение основного семантического содержания;

сохранение метафорической образности;

сохранение эмоционально-оценочной функции;

сохранение стилистической характеристики;

сохранение или функциональная компенсация культурного компонента.

Особенно важным является различие между формальной и функциональной эквивалентностью. Формальное совпадение метафорических единиц не всегда обеспечивает идентичный культурный эффект. В то же время образная замена может оказаться более адекватной, если она вызывает у читателя языка перевода сопоставимую систему ассоциаций.

Рассмотренные переводы Гоголя, Тургенева и Чехова демонстрируют различные способы решения этой задачи. Чулпон в переводе «Шинели» стремится максимально сохранить стилистическую организацию оригинала; Юлдош Шамшаров в «Муму» активно использует образные ресурсы узбекского языка; переводческие решения в отношении «Хамелеона» показывают необходимость учитывать не только словарное, но и концептуальное значение метафоры.

История узбекского перевода русской классики подтверждает значимость данной проблемы. В частности, «Шинель» переводилась на узбекский язык неоднократно, начиная с Сиддикий Ажзия; позднее появились переводы Чулпона и Х. Ахроровой [Норалиев, с. 67–68].

Аналогично, произведения Чехова переводились несколькими узбекскими авторами, среди которых особое место занимает Абдулла Каххар [Абдусаматов, с. 49–50].

Это позволяет рассматривать историю переводов не только как историю литературных взаимодействий, но и как материал для изучения динамики межъязыковой передачи культурных смыслов.

Заключение

Лингвокультурологическая интерпретация метафорических единиц позволяет выявить сложную взаимосвязь языка, культуры, мышления и художественного перевода. Метафора в художественном тексте является не только средством образной выразительности, но и репрезентантом определённой картины мира.

Сопоставительный анализ переводов Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова показывает, что основными способами передачи метафорических единиц на узбекский язык являются сохранение исходного образа, образная адаптация, конкретизация, экспликация и функциональная компенсация.

Наиболее адекватными оказываются переводческие решения, при которых сохраняется не только предметное содержание метафоры, но и её образная, эмоционально-оценочная, стилистическая и культурная функции.

Особенно показательны случаи, когда переводчик использует ресурсы узбекской образной системы для воспроизведения русского художественного образа. В подобных случаях перевод не является буквальным копированием, а представляет собой форму межкультурной интерпретации.

Таким образом, лингвокультурологический подход позволяет более полно оценить качество русско-узбекского художественного перевода и выявить закономерности трансформации национально-культурной информации. Перспективным направлением дальнейшего исследования является создание типологии русских метафорических моделей и их узбекских соответствий на материале произведений Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова.

Использованная литература

1. Абдусаматов Х. Абдулла Қаххор. — Тошкент: Ўзбекистон, 1990.

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.

3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. — М.: УРСС, 2004. — 256 с.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

5. Махмудов М., Файзулла А. Устоз таржимонлар бисотидан: Муму // Жахон адабиёти. — 2016. — № 6. — С. 99–103.

6. Норалиев Д. «Шинель» қиссасининг ўзбекча таржималари хақида // Илмий хабарнома. — Андижон, 2012. — № 3. — Б. 67–68.

7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

8. Шофиев О. Буқаламуннинг бахоналари // Жахон адабиёти. — 2016. — № 12. — Б. 125–127.